

ИЗАБЕЛЛА ФЕТКЕВИЧ-ПАШЕК

[121]

ИЛ 6/2020

Стихи из книги “Июль в Беларуси”

Перевод и вступление Владимира Окуня

Попытка возвращения

Изабелла Феткевич-Пашек — не новое имя для польских любителей поэзии. Ее первый сборник стихов “Несимметричный портрет” вышел в 2010 году и был удостоен премии за лучший дебют. Читателей и критиков привлекли как утонченность стиля и эрудиция поэтессы, так и ее способность отыскивать в повседневных радостях и бедах (чаще бедах) более глубокий смысл, а в неразберихе прошлого, настоящего и будущего — некий осмысленный сценарий (Изабелла, кстати, выпускник философского факультета).

Вторая ее книга, “Попытки выхода” (2011), посвященная сыну, также произвела очень сильное впечатление. Еще бы: это был сборник сонетов (!), вдохновленных полотнами таких художников, как Иероним Босх, Марк

© IZABELA FIETKEWICZ-PASZEK 2020

© Владимир Окунь. Перевод, вступление, 2020

Публикуется с любезного разрешения автора.

Шагал, Фрида Кало или выдающийся польский сюрреалист Здзислав Бексиньский. Такой прием, именуемый экфрасисом, не чужд польской поэзии — взять хотя бы Норвида, Шимборскую, Милоша, а из нынешней поросли неоклассицистов, скажем, Войцеха Венцеля. Критики отмечали поэтическую зрелость автора и ждали новых, не менее интересных поворотов в ее творчестве.

Однако ждать пришлось долго. Изабелла занялась вопросами культурного просвещения, писала рецензии о стихах других поэтов, организовывала музыкальные и поэтические фестивали, участвовала в создании и работе объединения “Ложка молока” (название навеяно одноименной картиной Шагала), помогающего творческим людям. И вот, почти через десять лет, появляется новый сборник Изабеллы Феткевич-Пашек, безусловно озаглавленный “Июль в Беларуси”. В нем мы видим совсем другую поэтессу — переболевшую формальными изысками, вновь нашедшую себя в простоте, порой даже в документализме повествования.

Эта книга — поэтический репортаж о путешествии автора на родину предков, где по-прежнему живет ее родня. Это история об одной из миллионов семей, разделенных трагическими событиями XX века. Попытка вернуться в прошлое, пройти путем своего отца (а этот сборник посвящен ему), переселенного после войны из Белоруссии в Польшу, понять тех, кто остался. Вначале это не кажется особенно сложным: “Я не жду от дороги чуда / преобразования. Хочу лишь добраться до места, / найти Виталика. Переживем эту встречу, каждый из нас / на своем языке”. Но, почти пройдя этот путь, рассказчик осознает, что все не так уж просто: “Оказалось, мой русский язык слабоват / для нюансов, нужно срочно найти что-то, кроме / языка, что-то большее, чем наливки, / эскиз семейного древа или общее селфи”. Даже исходная точка поисков — старая фотография бабушки поэтессы, снявшейся в 1925 году вместе с сестрами на фоне родной хаты, — порождает больше вопросов, чем ответов. В поисках этих ответов автор обращается к древним легендам, артефактам, биографиям великих поляков, живших в тех краях, к трагедиям Хатыни и лагеря смерти в Тростенце. Погрузившись в прошлое, она видит улицы и площади Минска и Гродно, где стоят взорванные соборы и гремят по булыжнику колеса телег, слышатся молитвы из сожженных синагог и стоны жертв давки в минском метро. То, что называют модным выражением “поиск своей идентичности”, оборачивается сильнейшим потрясением. Мир, который, казалось бы, всегда оставался “на своем месте”, оказывается не таким, как представлялось: “где на месте сожженного храма теперь / бетонированная площадка, а улица носит имя Дарвина”. И даже с вновь обретенным братом они лучше понимают друг друга “молча”, “без слов”, едут ли они по ярко освещенному ночному Минску, или идут мимо рвов, где покоится пепел узников концлагеря.

Но все-таки путешествие в прошлое достигло своей цели. Поэтесса замыкает круг в пространстве и времени, проникается тем, о чем не хотел или не мог рассказать ей отец, находит скрытую правду в наивной фальши старой фотографии, обретает “свою повесть”. Теперь и у нее есть воспомина-

ния, которые становятся стихами, а значит, не пропадут. Ведь не случайно она упоминает о “несуществующих хрониках войн, / которые ведутся всегда, / ведутся везде”. Слово “войны” могло бы показаться здесь неуместным, если бы не “военные действия” современных политиков на просторах коллективной памяти народов. Возможно, личная правда каждого маленького человека, сохраненная или восстановленная память каждой обычной семьи — именно то оружие, с помощью которого мы сможем выстоять в этой войне?

[123]

ИЛ 5/2020